

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЭТЮД

«Люблю — и больше ничего...»

Ни лож, ни ярусов, ни оркестровой ямы — совсем крошечный театр. Нет даже занавеса, прикрывающего от зрителя грубоватую фактуру «задника» — багровую кладку кирпичной стены и металлическую балку под потолком, на которой держатся софиты. Интерьер вполне мог бы сойти за часть цехового пролета, если бы не легкая, воздушная, мраморной белизны колонна ионического ордера — зримый символ театра. Да роля по соседству, да алая звезда на его крышке...

Концертный театр «Артист» открылся несколько дней назад, в канун Нового года, в здании реконструированного музея Маяковского в Москве. Вся его труппа — четыре человека, включая пианиста. Впрочем, так ли это? А влюбленная душа Маяковского? А грустная улыбка Чехова, проступающая сквозь страницы его рассказов? А трепещущая на зимнем ветру негаснущая свеча Пастернака? А дневниковая исповедальность лирики Марины Цветаевой?.. Голоса многих выдающихся мастеров поэзии и прозы готовы ожить здесь в надежде на наше понимание.

И немного страшновато за эти голоса: захотим ли услышать их теперь, на изломе другого времени, в плену у других «идолов»?

Пока публика не начала заполнять зал, беседуем с актрисой Аллой Азариной. Уже не один сезон встречаю это имя на афишах. Шекспир, Хемингуэй, Есенин, Окуджава, Ахмадулина... Из иных композиций родились законченные моноспектакли, иные остались частью концертных программ. Иногда поэзия или проза перемежаются письмами, дневниками, писательскими интервью. Если просится песня, актриса поет. Скупой театральный реквизит, одна-две детали — дамская шляпка, листок любовного послания или что-то в этом роде... И все-таки главный союзник — Слово.

По образованию Азарина — типичная драматическая актриса, выпускница Школы-студии МХАТ. Профессиональные актеры и ее родители. Но уж так случилось, что с раннего детства в доме звучали стихи. Отец, Александр Ефимович, был дружен с основателем театра одного актера Владимиром Яхонтовым, и это открыло в семье двери для многих поэтических имен. А в студенческую пору кумиром театрального курса был Булат Окуджава. «Из окон корочки несет поджаристой...» — весело распевала молодежь. И клялась в верности Арбату, и оплакивала смерть «короля» московского двора — Леньки Королева, вместе со сверстниками ушедшего на войну...

Поступив в театры, бывшие сокурсники играли в традиционных пьесах, а она искала что-то другое, непременно со стихами и музыкой. И даже когда принялась за инсценировку романа Хемингуэя «По ком звонит колокол», наполнила ее партизанскими песнями и гражданской испанской поэзией. Все бы ничего, да сам роман оказался в немилости у чиновников. Кто-то усмотрел в нем несвоевременность, а стало быть, и крамолу.

И тут произошла история...

— Обратись к Симонову, — посоветовали друзья. — Он знаком с Хемингуэем и довольно влиятельный человек.

Легко сказать: к Симонову.

Стояла слякотная зима. Хлопья снега таяли на шапке и мелкими струйками стекали по лицу. Ну и вид, должно быть, у нее!.. Но — была не была. Нажала кнопку звонка. Известный писатель, а кто она? Начинаящая актриса, вчерашняя девчонка. Как войдет в его дом, что скажет? Алла решила встретиться с Константином Михайловичем не напрямую. Узнала адрес, где рабочий секретарь писателя принимает посетителей.

Вопреки ожиданиям дверь открыл красивый седой человек в домашнем свитере. Сам Симонов! Она растерялась и от страха даже забыла, как писателя зовут. Единственное, что произнесла:

— Ой, я к вам...

— Как приятно, — изумился хозяин. — Пожалуйста, проходите.

Он помог снять шубу, отряхнул мокрую шапку, провел в кабинет.

— Может быть, рюмочку коньяка? Такая непогода... — предложил с галантной учтивостью.

— Нет, что вы, у меня репетиция, — совсем растерялась актриса.

Разговор был недолгим. Симонов обещал помочь. И вскоре приехал в Центральный Дом работников искусств посмотреть спектакль, устроенный для него, а заодно привез на представление свою маму. Положил на «дипломат» чистый лист бумаги на случай каких-либо замечаний, но лист этот так и остался нетронутым. Потом поднялся на сцену, поздравил. И спросил, не доумевая:

— Что же требуется от меня? Отзыв? Резолюция? Письмо?..

— Нет, всего лишь звонок в городское управление культуры.

— Я позвоню. А если они и дальше будут «крутить», обращусь к Фурцевой.

Спектакль разрешили с двумя замечаниями: изменить название (оно казалось одиозным) и в сцене Марии и Роберто... удлинить у героини рукава платья.

— Это еще зачем? — подвинулась Алла.

— Ну как же? Вы с актером играете любовную сцену, и платье выглядит слишком открытым. А если придет неискушенный зритель?

— Пошлем их к чегтовой матери, — говорил потом Симонов, раздражаясь и чуть картавя.

Рукавчики к платью так и не были надшиты.

А затем, несколько месяцев спустя, последовало неожиданное признание писателя:

— Алла, помнишь тот зимний день, когда ты позвонила в мою дверь?.. Я ведь не спросил тогда, кто ты и что ты. Знаешь, почему? Обликом, внешностью ты напомнила мне молодую Серову. У меня защемило сердце...

Валентина Серова, в свое время популярная звезда театра и кино, была когда-то женой и вдохновением писателя, ей посвящена целая книга стихов «С тобой и без тебя». И по сей день хранит в памяти Алла Азарина эпизод с Симоновым, который в застойное время вступился за Хемингуэя.

Нелегко пришлось в те годы и Есенину. В управлении культуры воспротивились показать историю взаимоотношений поэта с Айседорой Дункан. «Вы хотите вывесить эти две фамилии на московских заборах? — сурово спросил театральный чиновник. — Пока я жив, этого не будет». Спустя два месяца он... умер. И только тогда спектакль вышел. Но и на этот раз под другим названием: «Поэт и танцовщица». Лишь внизу мелким шрифтом — «Сергей Есенин и Айседора Дункан». В первом отделении, где звучали письма и дневники Айседоры, Алла выходила на публику в нарядном серебристом платье, во втором — в есенинской косоворотке: тут властвовала поэзия.

А потом были и Федор Абрамов, и Цветаева, и Окуджава с его лирикой и «Путешествием дилетантов». И, наконец, новый спектакль-мюзикл по стихам и прозе Беллы Ахмадулиной «Вам всем на удивленье». Его премьера состоится в январе.

Спрашиваю:

— Что для вас важнее всего в поэзии?

— Трудно ответить. Наверное, в самом деле бессмысленно поверять гармонию алгеброй. Ведь любишь интуитивно, неосмысленно, когда ведет тайна, какое-то колдовство звука. Как у Цветаевой: «Люблю — и больше ничего...»

— Ваш театр новый и возник под Новый год...

— Приятное совпадение. Новый год — единственный праздник, от которого я всегда чего-то жду.

Мы вынуждены были прервать это интервью — уже открыли входную дверь в зрительный зал. Публика занимает места. Счастливой судьбы, «Артист»!

Е. ДВОРНИКОВ.

● Алла Азарина в инсценировке по рассказу А. Чехова «Он и она».

Фото В. Первенцева.